

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ЭЛИТНАЯ ТРАЕКТОРИЯ

Е.О. Подолько

Тверской государственный
технический университет

Pif1997@mail.ru

В статье анализируется концепт социального капитала, акцентируется недопустимость деформации социального капитала российской элитой.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, российская элита.

Социальный капитал – один из инструментов изучения темы элиты. О деформации социального капитала в российских реалиях заявляют многие его исследователи¹. В данной статье обозначим локус вовлеченности российской элиты в социальную капитализацию, учитывая, что в системе координат социального капитала, процессах его наращивания элите задается роль аттрактора.

В широком смысле капитал – это всеобщая форма воспроизводства человеческого опыта. В словаре «Социальная философия» под капиталом мыслится «форма закрепления, сохранения (воспроизводства), накопления, развития человеческого опыта. Основой капитала является опредмечивание человеческих качеств и сил в виде средств деятельности и кооперации людей, в виде системы вещей, обуславливающей воспроизводство общественной жизни. Капитал, как опредмеченная и отчужденная от индивидов форма опыта, создает предпосылки для квазиавтономного существования опыта людей в человеческой истории, для его передвижения в социальном про-

странстве и социальном времени, для его стандартизации, разделения и синтезирования. В этом смысле капитал – средство накопления и порождения социальной энергии, ее унификации и преобразования»².

Под социальным капиталом изначально понимались структура и качество неформальных связей; и по аналогии с экономическим капиталом были заданы его характеристики, такие как ограниченность, способность к накоплению, ликвидность, конвертируемость, способность к саморазвитию³.

Экзегезис концепта социального капитала указывает на то, что он не только является определенным товаром, но представляет собой также «актив», или «ресурс»⁴.

Идея социального капитала относится к организации людей, преследующих коллективные цели, и восходит к идее социального порядка. Среди основных идей концепции в социальной жиз-

¹ Соболева И.В. Деформации социального капитала и перспективы их преодоления // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие. Научные и публицистические заметки обществоведов. – М.: Институт экономических стратегий, 2010. – С. 371–398.

² Кемеров В.Е., Латыпов И.А. Капитал. Социальная философия. Словарь / под ред. В.Е. Кеменова, Т.Х. Керимова. – М.: Академический проект, 2003. – С. 188.

³ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 5–16.

⁴ Harriss J. Depoliticizing Development: The World Bank and Social Capital. – New Delhi: Left World Books, 2001. – P. 3.

ни успех общего дела и общая польза коррелируются, но важно уточнить, насколько эффективно этот ресурс может быть включен в совместную организацию деятельности.

Сегодня продолжается дискуссия по вопросу о том, относится ли социальный капитал к ресурсам, к сетям или к сочетанию социальной структуры, сетей и связанных с ними идей и ценностей, к ассоциированному взаимодействию. «Дефинируется» социальный капитал в авторской концепции «социального капитала» Р. Патнэма. В его видении «социальный капитал – это уходящие вглубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций»⁵. Автор толкует социальный капитал как социальный отношенческий ресурс, как общий ресурс, на который могут рассчитывать члены общества в целом или его отдельных групп, слоев, страт. В содержание социального капитала включаются также в качестве его важнейших характеристик такие параметры, которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей: социальные сети (отношения и коммуникации), общепринятые нормы поведения и уровень доверия, установившийся между факторами.

В работе Р. Патнэма «Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии» исследуется экономический рост некоторых национальных государств. На примере различных районов Италии Патнэм показывает, что там, где

есть культура гражданственности, где сильны гражданская активность и заинтересованность, там граждане «вовлечены в решение публичных проблем, а не в патрон-клиентские отношения и не в персоналистскую политику. Люди доверяют друг другу, рассчитывая на то, что все будет вести себя справедливо и законопослушно. В таких регионах лидеры отличаются относительной честностью. Они верят в народное правление, они предрасположены вступать в компромиссы со своими политическими противниками. Рядовые граждане и лидеры принимают здесь условия равенства. Социально-политические структуры организованы горизонтально, а не иерархически. В сообществах такого рода ценятся солидарность, гражданственность, сотрудничество и честность. Управление осуществляется эффективно»⁶. Противоположность этому составляют районы Италии, где отсутствует культура гражданственности и господствует тотальное недоверие. Согласно Патнэму, через доверие как ключевой индикатор социального капитала, как символическое средство осуществления обмена, реальная практическая ценность которого состоит в обеспечении эффективности социальных, политических, экономических интеракций, обеспечивается вовлеченность в гражданские дела, в гражданские ассоциации.

Близкую интерпретацию социального капитала дает Джеймс Коулман: «Социальный капитал определяется его функцией. Это не отдельная сущность, но разнообразие различных сущностей, обладающих двумя общими элементами: все они включают некоторый аспект со-

⁵ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М., 1996. – С. 224.

⁶ Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – P. 115.

циальных структур и облегчают определенные действия единичным или коллективным акторам внутри структуры. Как и другие формы капитала, социальный капитал продуктивен, так как способствует достижению определенных целей. Так же, как физический и человеческий капитал, социальный капитал не является полностью взаимозаменяемым, но может быть определен для каждой отдельной деятельности, способствуя определенным действиям. В то же время форма социального капитала в отношении другой деятельности может быть бесполезной или даже вредной. Отличие социального капитала от остальных форм капитала заключается в том, что он включен в структуру отношений между акторами и среди акторов, а не сосредоточен в самих акторах или в средствах производства»⁷. При этом, по мнению Д. Коулмана, существует проблема дефицита «социального (общественного) капитала» – способности людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе⁸. Эта проблема укоренена в отсутствие развитого общественного инстинкта использовать доступные людям экономические и иные возможности: связи, отношения, информацию. В свою очередь, социальный капитал презентует некоторую часть человеческого капитала, понятого как человеческие знания и навыки. Коулман считает также, что человеческий капитал состоит и в способности людей составлять друг с другом некую общность, причем эта часть человеческого капитала имеет принципиальное значение не только для

хозяйственной жизни, но и для каждого аспекта социальной жизни в целом⁹.

Известный отечественный социолог, «элитолог» М.Н. Афанасьев аргументирует необходимость трактовки социального капитала в интерпретации Коулмана и Патнэма как общественный капитал. «Social capital, по Коулмену и Патнэму, следует переводить и трактовать как общественный капитал. Такой перевод точно выражает аутентичный смысл их термина: включенный в структуру отношений между индивидами общий ресурс, используемый к общей выгоде. То есть такой перевод не вопрос вкуса – он более точен, концептуален и к тому же необходим для терминологического различения двух рядов социальных явлений и значений. В одном случае речь идет о социальном капитале – отношении ресурсе вертикального продвижения и воспроизводства господствующего статуса, факторе воспроизводства господствующего социального класса, господствующей элиты. В другом случае речь идет об общественном капитале – отношении ресурсе максимизации общей выгоды, факторе воспроизводства спонтанной общественной связности»¹⁰.

Необходимость различения социального и общественного капитала вызвана также особым пониманием социального капитала в концепции П. Бурдье. Здесь социальная реальность предстает как ансамбль отношений, пространство социальных позиций, которые детерминированы друг другом и историей их формирования. Социальное пространство многомерно, структурируется на основе распределения различных видов капиталов (экономического, культур-

⁷ James S. Coleman. Social Capital in the Creation of Human Capital // American J. of Sociology. – № 94 (1988). – Р. 98.

⁸ Там же, р. 95–120.

⁹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 7.

¹⁰ Там же.

ного, символического), выступающих как инструменты и цели борьбы внутри пространства. По Бурдьё, субъекты «распределены в общем социальном пространстве в первом измерении по общему объёму капитала в различных его видах, которым они располагают, и во втором измерении – по структуре их капитала, т. е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного) в общем объёме имеющегося у них капитала»¹¹.

Согласно концепции П. Бурдьё, под социальным капиталом подразумевается совокупность актуальных и потенциальных ресурсов, связанных с использованием устойчивой сети более или менее институционализированных отношений знакомства и взаимного признания. Основу социального капитала составляет принадлежность к группе. Чем сильнее развита социальная сеть личных отношений, которую автор создает путем постоянной работы над своими отношениями и к которой он может обратиться, тем выше шансы воспроизводства его экономического и социального капиталов. Социальный капитал обладает эффектом мультипликатора, так как способен оказывать влияние на другие формы капитала¹².

Сравнивая концепции «социального капитала» Коулмана, Патнэма, Бурдьё, М.Н. Афанасьев пишет: «Коулман и Патнэм ищут социальные ресурсы и факторы максимизации валового, регионального или национального продукта. Бурдьё интересуют социальные ресурсы и факторы воспроизводства верхнего статуса индиви-

да и верхнего класса общества. Да, обе заинтересованные стороны рассматривают «более или менее институционализированные отношения взаимного знакомства и признания», причем и та и другая стороны рассматривают подобные отношения в качестве воспроизводимого и накапливаемого ресурса для извлечения пользы. Однако Коулман и Патнэм толкуют о социальном отношенческом ресурсе, который не сосредоточен непосредственно ни у одного из членов сообщества, попросту говоря – об общем ресурсе и общей пользе. А Бурдьё выделяет социальный отношенческий ресурс, используемый индивидом для вертикального продвижения и концентрируемый в его персональном и всегда классовом статусе. Если коротко, Коулман и Патнэм раскрывают секрет социальной кооперации, Бурдьё разоблачает секрет социального господства»¹³.

Представления о социальном капитале как о совокупности социальных отношений и связей базируются на исследованиях природы человеческих взаимодействий, множественность и контекстность которых образует систему социальных отношений. В результате оказывается, что социальные отношения обладают экономическими свойствами капитала, что находит выражение в следующем.

Во-первых, участие людей в социальных отношениях становится способом получения каких-либо выгод или благ, при этом само по себе оно не представляет для партнеров никакой ценности. Классик немецкой социологии Ф. Теннис отмечал, что в сложных обществах социальные связи становятся предметом целевого построения и манипуляций, направленных на извлечение личной выгоды. Следовательно,

¹¹ Бурдьё П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Начала. – М., 1994. – С. 188.

¹² Bourdieu P. Le capital social: notes provisoires // Actes de Recherche dans les Sciences Sociales. – 1980. – V. 31.

¹³ Коулман Дж. Указ. соч. – С. 7.

можно говорить о том, что социальные отношения имеют инструментальный характер.

Во-вторых, основу социальных отношений формируют сети социальных связей, которые используются для трансляции информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций. На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа – принадлежность к определенному социальному кругу, или членство в группе.

В-третьих, эффективные социальные отношения возможны в условиях прочного социального порядка. Если социальная организация, структура социальных институтов, а также социальная среда повседневной жизни оказываются прочными и неизменными, то у людей возникает ощущение экзистенциальной безопасности, которая выражается в доверии к социальным институтам (в том числе экономическим и политическим), которое в свою очередь способствует формированию социальной дисциплины и спонтанной социализованности.

Стабильность и социальный порядок способствуют формированию единой социальной общности (ассоциации) посредством существования единых норм и ценностей, разделяемых всеми ее членами. Результатом наличия и признания общих норм и ценностей становится взаимное доверие, у которого есть своя вполне конкретная экономическая величина.

Концепт социального капитала по мере углубления социологических и философских исследований дополняется уточнениями, новыми смыслами, расширением дискурсивных практик. Сегодня принято различать такие виды капитала, как обще-

ственный, человеческий, культурный, социальный, символический, когнитивный. Каждый из названных видов капитала может рассматриваться в широком или узком, применительно к определенному предмету исследования, смысле. Уже П. Бурдьё в работе «Набросок теории практического действия» вводит понятие «культурного капитала» для обозначения тех преимуществ, которые передаются в социальном поле элит от поколения к поколению, от родителей к детям (например, навыки устной и письменной речи, эстетические ценности, умение взаимодействовать с людьми, ориентация на достижения в учебе) и расширяют возможности их социальной мобильности. Установленные требования элитных школ, которым необходимо соответствовать, чтобы оставаться успешным и не выпасть из определенной страты, способствуют воспроизводству классового неравенства и дальнейшему накоплению культурного капитала в руках элит. В содержание культурного капитала входит также знание, позволяющее его обладателю понимать и оценивать различные типы культурных отношений, предметов и ценностей культуры. Как известно, произведение искусства имеет смысл и представляет интерес только для того, кто обладает культурной компетентностью, ибо нужно знать код, на котором закодировано художественное сообщение. В противном случае любой артефакт для невежды может оказаться всего лишь куском глиняного горшка, а не фрагментом древнегреческой амфоры. Американский социолог П. Ди Маджио, анализируя академическую успешность американских студентов – выходцев из элиты, предложил инструмент для количественного измерения культурного капитала – частоту контактов актора в детстве и юности с «высокой куль-

турой». Было отмечено, что культурный капитал оказывает существенное влияние на академическую успешность и на профессиональное продвижение после окончания высшей школы.

Расширяя поле дифференциации «социальных капиталов», П. Бурдьё в ходе исследования природы конфликтов среди французской профессуры обозначил такие формы, как «капитал академической власти» и «символический капитал».

Возвращаясь к основным идеям Д. Коулмана, отметим, что в содержании его концепта значительное место занимает проблема доверия. В его понимании социальный капитал ассоциируется с потенциалом взаимного доверия и взаимопомощи. Капитал целерационально формируется в межличностных отношениях и включает в свое содержание информационно-коммуникативные каналы, социальные нормы, взаимные обязательства (формально закрепленные или предполагаемые) и ожидания. По аналогии с физическим и человеческим капиталом, воплощенным в орудиях труда, знаниях и обучении, которые повышают индивидуальную производительность, социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, создающие условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды. Социальный капитал – это социальный «клей», который позволяет мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу. «Социальный капитал – это способность индивидов распорядиться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или более широкой социальной структуре... Способность к накоплению

социального капитала не является индивидуальной характеристикой личности, она является особенностью той сети отношений, которую выстраивает индивид. Таким образом, социальный капитал рассматривается как продукт совместной деятельности, основанной на включенности человека в социальную структуру.

Развернувшаяся в американской прессе дискуссия по поводу выявленной тенденции сокращения социального капитала в последней четверти XX века стала причиной расширения исследований этого феномена. Для подсчета национального объема социального капитала были предложены два показателя: индекс доверия и членство в общественных объединениях. Согласно исследованию Роберта Патнэма, число членов разного рода добровольных ассоциаций (от родительских комитетов до клубов женщин-избирательниц и кружков игры в боулинг) за минувшие два-три десятилетия сократилось в пределах 25...50 %; время, затрачиваемое на неформальное общение вне работы, с 1965 года уменьшилось на четверть, а на деятельность в общественных организациях – чуть ли не наполовину; наконец, индекс доверия (процент положительных ответов на вопрос «Можно ли доверять людям?»), с 1972 года снизился примерно на треть.

Надо отметить, что вопрос об определении социального капитала до сих пор является предметом научных дискуссий. В концепции П. Бурдьё значение понятия «символический капитал» сначала являлось практически синонимом понятия «социальный капитал, а у Дж. Коулмана социальный капитал – это прежде всего трудно определяемый кредит доверия, который облегчает любой акт социального обмена

и об экономической выгоде которого принято молчать. В главе «Символический капитал» своей книги «Практический смысл» П. Бурдьё пишет: «В рамках экономики, по определению отказывающейся признавать “объективную” суть “экономических” практик, т. е. закон “голового интереса” и “эгоистического расчета”... такой отрицаемый капитал, признанный в своей законности, а значит, не узанный в качестве капитала (одной из основ такого признания может быть признательность – в смысле благодарности за благодеяния), – это и есть символический капитал, и в условиях, когда экономический капитал не является признанным, он, вероятно, наряду с религиозным капиталом образует единственно возможную форму накопления». Символический капитал – это «капитал чести и престижа, который производит институт клиентель». И далее: «Зная, что символический капитал – это кредит, но только в самом широком значении слова, т. е. своего рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера всей группы может предоставить давшему ей материально-символические гарантии, легко понять, что демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу».

Однако, изначальная путаница между «символическим» как особым видом капитала и символическим характером самого производства любой ценности привела в конце концов к тому, что на сегодняшний день в научной литературе бытует несколько трактовок символического капитала, причем самая общая из них принадлежит самому П. Бурдьё: «Символический капитал... – любая собственность, любая разновидность капи-

тала, воспринимаемая социальными агентами, категории восприятия которых таковы, что позволяют им знать о ней, замечать ее, придавать ей ценность».

В настоящее время некоторые исследователи считают символический капитал видом культурного, другие, наоборот, культурный капитал относят к одной из важнейших форм символического капитала. Зачастую путаница возникает потому, что и культурный и символический капитал основаны на знании. В первом случае это полученное образование и общая культурная компетентность, во втором – экспертное влияние, т. е. власть, основанная на знании и признании авторитетности этого знания другими людьми.

Можно предположить, что все названные формы человеческого капитала, понимаемого в широком социально-гуманитарном смысле, передаются из поколения в поколение в «снятом» виде по мере расширения и усложнения социального взаимодействия. Также представляется важным обратить внимание на то обстоятельство, что утрата субъекта – носителя этого капитала – приводит к необходимости формирования нового социума. Человеческая история свидетельствует об исчезнувших цивилизациях с их невозполнимым социальным опытом, а также об уходе с исторической сцены различных социальных субъектов: религиозных каст, рыцарских орденов, дворянства и т. д.

С другой стороны, культурный задел, оставленный нашими гениальными предками, начинает осваиваться потомками по мере возрастания понимания и развития научно-технических возможностей общества. Непосредственными акторами этих процессов становятся личности конгениальные, способные протянуть связующую

нить к прошлому, актуализировать его и включить в современный социальный капитал. К примеру, можно говорить о новом прочтении и толковании произведений поэзии, живописи или старинных манускриптов, что превращает эти артефакты в актуальный капитал современности.

В определенной степени суммируя основные социологические и философские подходы к проблемам социального капитала, участники научного семинара под руководством Е. Ясина обсудили вопросы, касающиеся измерения, анализа и оценки влияния социального капитала в России. Как сказал Е. Ясин, «...всякий раз, когда мы начинаем спорить о проблемах реформ, нужны они или не нужны и т. д., мы сразу же заводим разговор о каких-то группах влияния, о каких-то интересах, о каких-то играх в прямом и переносном смысле, имея в виду, что люди интригуют друг против друга в своих интересах». Поэтому следует больше уделять внимания институциональным, а не персональным отношениям.

Именно на эту сторону проблемы обратил внимание А. Полищук, высказавший мнение о том, что попытки утвердить современные институты в странах, где они до того отсутствовали, путем различного рода экономических, правовых и политических реформ часто оканчивались неудачей. Закономерно возникает вопрос: «А что, кроме этих институтов, необходимо для того чтобы обеспечить устойчивое развитие?» В поисках ответа исследователи все чаще стали обращать внимание на состояние общества и наличие той, подчас трудноуловимой и аморфной, субстанции, которая получила в литературе собирательное название социального капитала.

Как было продемонстрировано в статье, понятие «социальный капитал» обременено

длительной интеллектуальной историей, и разные люди трактуют его по-разному, что нередко приводит к недоразумениям. Мы считаем возможным в своей работе придерживаться простого и ясного рабочего определения: социальный капитал - это способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям. Такая необходимость возникает в тех случаях, когда стоящие перед обществом задачи не могут быть решены простой суммой индивидуальных действий индивидов, не координирующих свои действия друг с другом. Чтобы добиться успеха, они должны так или иначе действовать сообща. Именно эту способность действовать сообща, причем самостоятельно и по собственной воле, без принуждения извне, и следует называть социальным капиталом.

Исходя из этого, очевидно, не следует отождествлять социальный капитал только с доверием. Или, быть может, не надо слишком расширительно понимать феномен доверия. В книге «Проблема доверия»¹⁴ американский социолог А. Селигмен доказывает, что социальный капитал суть лишь совокупность форм жизни ассоциаций, основанных на различных типах уверенности в работе системы и ее институциональных образований. Данный социальный капитал (уверенность) сам основывается на различных проявлениях безусловного, что как раз и обеспечивается различными условиями солидарности, выступающей в присутствии ей многообразных обличьях. Селигмен выводит уравнение: социальный капитал = жизнь ассоциаций = уверенность (основана на) безусловности = принципах генерализованного обмена = солидарности. Основания принятых в обществе безу-

¹⁴ Селигмен А. Проблема доверия. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 90.

словностей могут быть очень различными. (Среди них – родственные связи, общности религиозных верований, простое знакомство, коллективное сознание), и именно здесь вступает в игру элемент доверия, определяемый как весьма уникальная разновидность итеракционной матрицы¹⁵.

А. Селигмен указывает на различные модели социальности, жизни в ассоциации, принципов генерализованного обмена, т. е. всех форм социального капитала, которые делают возможной социально-экономическую жизнь. Существуют различия между доверием, уверенностью (система ролевых ожиданий) и духовной близостью (способность приписывать другому собственные сильные оценки), фиксация которых не позволяет смешивать доверие: «а) со всеми формами безусловностей или принципов генерализованного доверия, б) с реализацией уверенности, т. е. с существованием во всех обществах социального капитала как некоей экономической экстерналии. Пожалуй, именно это ошибочное употребление термина “доверие” не позволило многим аналитикам заметить, что в различных обществах мы имеем дело с весьма различными типами экстерналий (различными принципами генерализованного обмена). Ибо, как мы утверждали выше, в отличие от уверенности, которая может быть (а может и не быть) присуща любой системе, характеризующейся общностью сильных оценок (речь идет об уверенности в социетальных принципах безусловности, об основе безусловности, каковой является генерализованный обмен), доверие возникает только как составная часть весьма конкретного типа безусловности – безусловности, относящейся к самостоятельным действиям отдельно взятых агентов. Различные

типы безусловности обеспечивают различные типы уверенности, основываются на различных видах ассоциаций (хотя на практике все они существуют в «смешанном» виде, в разнообразных комбинациях, в которых роль основной общественной составляющей безусловности играет то один, то другой из этих видов)»¹⁶.

М.Н. Афанасьев утверждает: «Дело в том, что социальные связи текучи и противоречивы. Пример мафии, который обычно приводят, как раз не самый интересный в силу его очевидности: мафия, как и государство ... представляет собой институт недоверия и зиждется на санкциях. А вот, к примеру, ватаги греческих героев и скандинавских варягов – они действительно оставили значимый общественный капитал в своих метрополиях и колониях, но походя растоптали не одно сообщество. Этнические объединения и церковные приходы по всему миру оказывают братскую помощь “своим”, но нередко склоняясь к агрессии в отношении “чужих”, разрушают добрососедство и мирную жизнь в целых странах и регионах»¹⁷.

Социолог справедливо критикует тех, кто, измеряя социологическими инструментами социальное доверие, экстраполирует его на общественный капитал. «Доверие взаимодействующих людей – имманентная характеристика общественного капитала. Но из этого совсем не следует, что всякое социальное доверие порождено именно общественным капиталом и выступает его составляющей»¹⁸. Заметим, что вместе с Коулманом и Патнэмом М.Н. Афанасьев под общественным

¹⁶ Селигмен А. Указ. соч. – С. 95.

¹⁷ Афанасьев М.Н. Общественный капитал российских элит развития // Общественные науки и современность. – 2009. – № 3. – С. 8.

¹⁸ Там же.

¹⁵ Там же.

капиталом понимает социальный, отношенческий ресурс максимизации общей выгоды и воспроизводства общественно полезной социальной связности.

В последние пять лет ведущими отечественными социологами проведены исследования, посвященные оценке ценностей, мотиваций, социальных представлений, общественного капитала российской элиты¹⁹. Все результаты исследований, к сожалению, показывают лишь нашу «надежду» на то, что российская элита является держателем социального капитала, создателем общественного капитала гражданского взаимодействия и кооперации. При этом следует иметь в виду, что участие в генерировании и формировании новой социальной ткани элитных групп развития должно быть определяющим, общеобразующим. М.Н. Афанасьев делает вывод о том, что общественный капитал в наших элитных группах невелик, он заметно уступает живому опыту общественного участия и взаимодействия как европейцев и американцев, так и китайцев. «Общественные, гражданские связи интересуют представителей российских элитных групп прежде всего как социальный капитал (по Бурдьё) – связи, которыми прирастают власть, влияние, карьера и богатство. Что касается такого индикатора, как уровень межличностного доверия, то для элиты он оказывается ниже среднего»²⁰. Напомним, что доверие – ресурс накопления социального капитала, оно отражает актуальный и прошлый опыт социальных взаимодействий, воспроизводит сложившиеся традиции, структуру и нормы взаимоотношений. До-

верие можно полагать как механизм, обеспечивающий приобщение к жизни в ассоциациях. Доверие, понимаемое как символический кредит, есть главное условие благоприятной возможности социально-экономической жизни. Оно базируется на системе развивающихся ожиданий и составляет основу кооперации. Дефицит доверия влечет проблему дефицита социального капитала. Радиус доверия как показатель социального капитала отражает широту и интенсивность социальных связей в обществе.

Вспомним, что элита должна выделяться среди остальных своим культурным и нравственно-духовным авторитетом. Элита, «по определению», обязана выступать субъектом интеграции общества, быть катализатором социальных изменений и наращивать социальный капитал. К сожалению, современная российская элита преуспела лишь в процессе деформации накопленного страной социального капитала.

Литература

- Афанасьев М.Н.* Общественный капитал российских элит развития // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 3. – С. 5–16.
- Афанасьев М.Н.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. – М., 2009. – 132 с.
- Бурдьё П.* Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // *Начала*. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
- Кемеров В.Е., Латыпов И.А.* Капитал. Социальная философия. Словарь / под ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. – М.: Академический проект, 2003. – 482 с.
- Патнам Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М., 1996. – 288 с.

¹⁹ Афанасьев М.Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс. – М., 2009. – С. 25.

²⁰ Афанасьев М.Н. Общественный капитал российских элит развития // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 3. – С. 16.

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 5–16.

Селигмен А. Проблема доверия. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.

Соболева И.В. Деформации социального капитала и перспективы их преодоления // *Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов*. – М.: Институт экономических стратегий, 2010. – С. 371–398.

Стрельникова А.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 33–41.

Bourdieu P. Le capital social: notes provisoires // *Actes de Recherche dans les Sciences Sociales*. – 1980. – V. 31.

Harriss J. Depoliticizing Development: The World Bank and Social Capital. – New Delhi: Left World Books, 2001. – P. 3.

James S. Coleman. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American J. of Sociology*. – № 94 (1988). – P. 95–120.

Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – P. 280.